PG 3447
.V28C5
1827

V. Vasi'ev.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

Vasil'ev, V
" Chasy moego dosuga

ЧАСЫ МОЕГО ДОСУГА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Василѣева.

Васильева

Господь мо

Богъ мой

Дюжекъ сказалъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома, 1827 года.

PG3447
.V28C5
1827

Печатать позволяется.

Санктпетербургъ, 7 Марта, 1827 года.

Цензоръ Гаевскій.

Вмѣсто Предисловія.

Стихи я написалъ, и не поэтъ, — простите виновать;
Казните критикой — стерплю, хотя не радъ.
Пусть вѣчной пропоютъ стихамъ моимъ покой, —
Но я на зло зоиламъ, останусь самъ живой.

В. В.

Посланіе къ моему другу П. И. Ко..у.

Позволь, другъ истинный! позволь въ свободный часъ,
Мнѣ чувства описать, безъ всякихъ лишь прикрасъ;
И то, чѣмъ одолжёнъ на вѣки я тобою —
Позволь мнѣ изъяснить открытою душою.
Не мни, что-бъ ложь я съ лестью здѣсь смѣшалъ.
Нѣтъ Другъ! не твердый сей металлъ —
Глазамъ лишь слѣпоту наводитъ,
И разсмотрѣвъ его, пузырь всякъ мыльной въ немъ находитъ
Нѣтъ, не желаю я быть мыльнымъ пузырёмъ,
И чувствую равно, какъ ночью такъ и днёмъ.
Тебѣ извѣстна участь, кажется, моя.
Ты знаешъ сколь судьбой наказанъ я. —
И такъ почто мнѣ льстить передъ тобою,
Я не рожденъ быть пасквильной душою;
Лишь чувства истинны, — намѣренъ я открыть —
Которыя и въ гробъ я долгомъ чту сокрыть.

Скажи? Когда-бъ не ты, чтобъ долженъ
дѣлать я?
И гдѣ-бъ разсѣялась ужасна скорбь моя?
Гдѣ могъ-бы я найти спокойствія предѣлъ?
И кто-бъ въ нуждѣ моей помочь мнѣ за-
хотѣлъ?
Сихъ нѣжныхъ чувствъ твоихъ, всякъ нынѣ
избѣгаетъ, —
И за проценты лишь другъ другу помо-
гаетъ.
А ты, ты! благость дней моихъ,
Ты дѣлишь всѣ мнѣ изъ щедротъ твоихъ.
Чѣмъ заслужилъ скажи сіе расположенье?
Ты кажется, не зрѣлъ и должнаго почтенья.
И такъ какую долженъ я услугу оказать,
Чтобъ могъ тебѣ я благодарность доказать?
Ни чѣмъ не въ силахъ я прибѣдности моей;
Признательность отдать душѣ твоей;
Одинъ Всевышній лишь творецъ —
Заступникъ добрыхъ всѣхъ сердецъ;
Воздастъ тебѣ за всѣ, — въ чѣмъ я усердно
умоляю —
И съ симъ на вѣкъ тебѣ я другомъ пребы-
ваю.

Кольцо.

Подражаніе сочин. Черная шаль.

Я такъ же младую дѣвицу любилъ,
Но рокъ, по нещастью, насъ съ ней разлучилъ.
Она до разлуки вѣрна мнѣ была, —
Въ прощаньи-жь кольцо мнѣ на вѣрность дала.
Я мнилъ съ ней разстаться на нѣсколько дней,
Но противь случилось всё мысли моей.....
Ужель не увижу её ни когда? —
И страшное эхо отвѣтствуетъ: Да!
Однажды вхожу я къ друзьямъ на крыльцо,
Съ руки вдругъ свалилось любезной кольцо;
Меня неизвѣстной вдругъ ужасъ объялъ, —
Кольцо изломившись тогда я поднялъ;
Мгновенно счелъ знакомъ измѣны её
И сердце печалью облилось моё.
Въ друзьяхъ я утѣхи въ то время не узрѣлъ,
И съ хладной душою домой я прибрелъ;

Часы пролетали, а съ ними и дни,
Мнѣ слёзы лишь были отрадой одни;
Не знавши причины, дивился тому,
И мщенье лишь къ сердцу питалъ моему.
Но вскорѣ не жданную вѣсть получилъ; —
Что бракъ меня съ милой на вѣкъ разлучилъ;
„Она предъ иконой въ союзѣ клялась.....
„И юноши въ храмѣ — женой нареклась.“
Невѣрилъ словамъ симъ, что другъ мнѣ писалъ,
Ужасныя строки я вмигъ изодралъ;
Почти какъ безумной въ тотъ день я бродилъ,
На утро пріятель ту вѣсть подтвердилъ.
Съ тѣхъ поръ я ужъ къ страстной любви охладѣлъ,
Съ тѣхъ поръ легковѣрностью я овладѣлъ.
Смотрю на обломки невѣрной кольца, —
И клятвамъ невѣрить клянусь до конца.

Пѣсня.

Разставшися съ тобой разлукой вѣчной,
Мнѣ свѣтъ весь здѣлался постылъ;
Тебѣ-жъ желаю, другъ сердечной —
Любить того, — кто сердцу будетъ милъ.—
Любила ты меня, — тебѣ я въ томъ-
же клялся,
Но жребій намъ быть вмѣстѣ не
судилъ;
Я врагомъ твоимъ на вѣкъ чрезъ
то остался —
И такъ люби того, — кто серд-
цу будетъ милъ. —
Куда не обращусь, мнѣ чуждо всё веселье,—
И рокъ лишь въ сердце горесть влилъ;
Страдаю тщетно, — я въ забвеньи —
Прости! люби того, — кто сердцу бу-
детъ милъ.
Со временемъ пройдетъ страданье,
Для нѣжныхъ чувствъ я не застылъ;
И безотрадное воспоминанье —
Найдетъ и мнѣ любить, — кто
сердцу будетъ милъ.

Полночь.

Елегическія мысли.

Въ полночной часъ, когда морфею —
Повсюду дѣлается честь;
Оставя всякъ свою идею,
И ко врагамъ жестоку месть, —
Пустились взять покой.
Во сладкомъ снѣ всѣ упопая,
Душою больше не кривятъ;
Чужихъ горестей не зная —
И знать ихъ во все не хотятъ.
Въ сей самой часъ безмолвной —
Съ сердечною тоской,
Въ печали тяжкой, душѣ кровной,
Я боролся самъ съ собой.
Не суета мнѣ жизни сладкой,
Не почести на умъ брели; —
Нѣтъ! Для жизни нашей краткой,
Всѣ мечты сіи нули.
Кто съ чувствительной душою,
На свѣтъ природою рожденъ;
Тотъ доволенъ самъ собою,
Фортуной хоть не награжденъ.

Не всё-ли природа съ тобою дѣлила —
Скажи, о жадный человѣкъ?
Вчера ты жаждѣлъ, — а поутру могила —
Твой прекратила чорствой вѣкъ.
Что-жъ изъ тебя, нещастный стало?
Безчувственъ здѣлался ты вдругъ;
Къ чему-жъ твердилъ всё: мало, мало.“—
Ты людямъ извергъ — а не другъ, —
Кто отъ души тебя вспомянетъ?
Кто помолитъ о грѣхахъ?
Молитъ о томъ ни кто не станетъ,
Кто не жилъ въ бѣдственныхъ сердцахъ.
Ахъ! и въ бѣдности съ друзьями —
Пріятно скорьби извлекать;
Они раздѣлятъ скуку съ нами,
Утѣшно съ другомъ и стонать.
Пустъ мыслитъ жадный о монетѣ,
Онѣ бездушнымъ лишь злодѣй;
Мое богатство все въ Анетѣ —
Когда бываю только съ ней.
Я съ ней и грусти забываю,
Она души моей душа;
Я нужнымъ во все не считаю —
Сказать умна иль хороша.
Довольно то, — что я на свѣтѣ
Благомъ чту ее моимъ,
Она одна въ моемъ предметѣ, —
Я другомъ зрю ее однимъ.

Пусть къ достоинствамъ стремятся,
Я тоски въ томъ не терплю;
А буду тѣмъ лишь восхищаться —
Коль скажетъ Аннинька люблю.

Басня.

Лягушка и Ежъ.

Послушай-ко сосѣдъ! тебя я сколько лѣтъ
ужъ знаю,
А право дѣльнаго въ тебѣ со всѣмъ не
примѣчаю;
Ты, точно какъ старикъ, всегда согнувшись бродишь, —
И колешь тѣхъ, — кого по силѣ лишь находишь.
Для просвѣщенія, хотя-бъ ты пѣніемъ занялся —
И у меня учиться-бы принялся;
Не даромъ въ землю мнѣ талантъ что-бъ
свой сокрыть,
Готова я тебѣ, сосѣдъ, полезной быть.
Взгляни! какъ я ловка, скачу, подобно какъ
летаю,
И часто межъ людей въ собраніяхъ
бываю;

Когда-жъ наскучитъ всё — я прячусь въ
хижину мою,
И тамъ — чай, слышалъ ты? — какъ слав-
но я пою.
(Съ такимъ нравоученьемъ, подъѣхала къ
Ежу Лягушка)
Молчи! Ежъ закричалъ, негодная вострушка!
Смотри пожалуй, она мнѣ предлагать то
смѣетъ, —
О чемъ сама понятія ни сколько не имѣетъ;
Съ чего взяла почтенная искусству масте-
рица —
Что ты прекрасная пѣвица?
Да хуже нѣтъ тебя у насъ и изъ творенья,
Ты больше даже всѣхъ достойна сожалѣнья.
Ну стануль мерзкому я кваканью и пры-
ганью учиться,
Бѣда коль и во снѣ мнѣ это хоть при-
снится;
Пусть я особенныхъ талантовъ не имѣю,—
Но тронетъ кто меня,—отдѣлаться умѣю.—

*

Мы видимъ и межъ насъ учителей такихъ,
Что въ школѣ обучать ихъ надобно самихъ.

Шарады.

1-я.

Первой слогъ, животное не рѣдко произноситъ —
Которое большую пользу намъ приноситъ;
Второй, пріятно слышать, когда угрюмый часто повторяетъ,
А цѣлое, ужасно лѣтнею порой надоѣдаетъ (*).

2-я.

Мой первой слогъ, у бѣдныхъ на виду,
Второй, я въ каждомъ музыкальномъ инструментѣ вамъ найду,
А цѣлое игра, въ модѣ —
У Вельможъ, и въ посредственномъ народѣ (**).

(*) Муха.
(**) Бостонъ.

Акростихъ.

Въ альбомъ Лизеты.

Льстятъ въ альбомахъ всѣ бездушно,
И противь чувствъ всё говорятъ;
Зоиламъ всѣмъ перо послушно. —
Едва открылъ, глядишь твердятъ:
Ты! красоты богиня! тобою всѣ сгараютъ,
Ахъ! жжался, дай отвѣтъ, его лишь до-
жидаютъ. —

Но правда-ль эта?
Пусть скажетъ милая —

*

Я грѣшникъ самъ твердилъ: люблю, сгараю,
Скорѣе дай отвѣтъ, — смотри, я умираю, —
Однако-жъ всё живу, и смерти дожидаю.

Въ Альбомъ пріятелю.

Хотѣлъ въ альбомъ твой написать, —
Да что-то и боюсь;
Не мастеръ прозой выражать,
Стихами-жъ-только лишь учусь.
Впрочемъ что за предисловье,
Давай, махнёмъ-ка въ доброй часъ;
Пусть строгой критики сословье —
Путь прекратитъ мнѣ на парнасъ!
Не мнѣ себя льстить славой громкой,
И обывателемъ Парнасса быть;
Въ толь дальной путь, съ моей котомкой —
Прогоновъ не чѣмъ заплатить.
Да и за чѣмъ ползти далёко —
Горою, гдѣ бугристо скользко?
Спокойнѣй жить не высоко, —
Лишь съ добрыми друзья-ми близко.
Въ кругу ихъ просто всё и мило,
Нѣтъ украшеній красоты;
И коль собранье пріуныло —
Въ улыбку приведешь всѣхъ Ты.

Воспоминанiя прошедшаго времяни.

Друзья! Въ унылой часъ моей свободы,
Въ тотъ часъ, — когда быть можетъ, Вы,
Подъ пеленой красы природы —
Ни чѣмъ не отягчали спокойной головы, —
Я вспоминалъ дни счастья своего.
Тѣ дни! какъ пылка юность волновалась,
И не превожа спокойства моего —
Пріятной нѣгой наслаждалась.
Потомъ насталъ черёдъ, — я въ дѣву милую влюбился;
Но скрытностью себя недолго сей питалъ.
Я въ страсти ей рѣшительно открылся —
И мнѣ, отвѣтъ её, — вѣкъ счастья начерталъ.
Ахъ! какъ сладки тѣ минуты,
Когда любя, къ себѣ страсть туже ощущаешь;
Нейдутъ тогда на умъ игры рока люты —
Лишь о чертахъ лица прелестной помышляешь. —

Казалось, счастіе тогда лишь и роди-
лось, —
Что прежде да меня ни кто его незналъ;
Душа моя часъ отъ часу гордилась
Но рокъ злодѣйской! вдругъ его прервалъ!
Послѣдній поцѣлуй остался на разстанье —
На пламенныхъ губахъ, двухъ горестныхъ
сердецъ;
Вотъ всё что раздѣлили мы на вспоминанье
И Вотъ всѣй пламенной любви конецъ.
Надеждой упоенъ, я мнилъ еще осчастьи
Не рѣдко образъ милый воснѣ я лобызалъ,
Въ восторгѣ семъ забывъ въ душѣ моей
ненастье
Я видъ довольствія въ минуты тѣ казалъ.
Но всё изчезло! нѣтъ надежды!
Съ ней якорь бурей въ морѣ палъ. —
И Ахъ! трепещущія вѣжды
Отъ слёзъ, я долго не смыкалъ.
Мой милый другъ очарованья, —
Священну клятву произнёсъ!
Любовь забыта, прошло страданье,
Въ ней вихрь изъ мыслей всё унёсъ.
Вотъ за вздохи утѣшенье,
Платежъ за пылкую любовь;
За пламенъ истинный — мнѣ въ награ-
жденье —
Красавица влюбилась вновь. —

Ахъ Юность! Юность, возвратися!
Свободно сердце мнѣ отдай!
Влюбляться впредь не торопися
И клятвъ невѣрной не вспоминай.

ЕПИГРАММЫ.

1-я.

Про Клима сваха всё твердила —
Что драться не умѣетъ онъ;
Но только что его женила,
Въ тужъ ночь женѣ онъ далъ трезвонъ.
За сваху мать невѣсты на утро принялася —
Какъ водится у насъ лишь на Руси;
Такая кутерьма у нихъ тутъ поднялася,
Что хоть Святыхъ вонъ понеси.
Однако-жъ свашинька не оробѣла. —
Пока кричали всѣ, она молчала,
Потомъ на молодую спокойно поглядѣла —
И вотъ какъ отвѣчала:
Эхъ матушка моя, ну яль тому виною,
Что мужъ подрался твой съ тобою;
Вить въ человѣка ни кто́ изъ насъ не входитъ,
Онъ днёмъ пресмиренъ былъ, — а ночью видно на него находитъ.

*

2-я.

Ермила говорятъ ни сколько Арифметики незнаетъ;
Оно хотъ такъ, — да онъ свой милліонъ исправно сберегаетъ.

Приглашеніе на Масленицу.

Посланіе Т. Алек. Ску.....ой на рѣку Пашу.

Позволь! Словесности подруга,
Въ часы житейскаго досуга,
Не жеманными стихами, —
Вмѣстѣ съ добрыми друзьями —
Чувства общія излить,
Откровеннымъ сердцемъ говорить. —

Взгляни, уже на сковородкѣ —
Въ горячемъ маслѣ блинъ кипитъ,
И къ руской нашей всей слободкѣ —
Посолъ масленой катитъ;
Проситъ здѣлать ему честь —
Пока горячъ его поѣсть. —

За нимъ прежирная богиня,
На семь дней свой ротъ разиня,
Кругомъ обложена блинами —
Какъ будто мирровымъ вѣнками;
Подъ ней изъ дыму Колесница —
Мчится на бѣсѣду масленица. —

Такую вѣсть узнавъ недавно,
Спѣшимъ принять её исправно;
Вступить желая съ нею въ связь —
Что-бъ не ударить лицомъ въ грязь,
Безъ всякаго раздору —
Къ пріёму, выстроили Гору. —

Ну что и за Гора! — Для насъ —
Такъ право ужъ Парнассъ,
И описать ее не соберу ума —
Увидишь ты сама;
Себя коль спесью не настроишь,
Такъ посѣщеніемъ насъ удостоишь. —

Обливь общія желанья —
Надеждою, — съ тобой свиданья:
Жаждемъ видѣть мы тотъ часъ —
Обрадуетъ которой насъ,
Улыбкой милою твоей, —
Прощай! Друзья не ложныя ей ей.

Селеніе Сермаксы 1825. года.

Посланіе пріятелю въ Понедѣльникъ масленицы.

Сосѣдушка Почтенной дорогой!
Порадуйся Любезной мой!
Мы кажется побѣду одержали,
Погода хошь куда, — такую и желали;
Лишь дай богъ что-бъ она —
Недѣльку всю была-бы такъ скромна.
Да та бѣда, что подражая модѣ, —
Не только что въ народѣ —
Но постоянства нѣтъ ужъ и въ природѣ;
Тово лишь и смотри, — какъ снова занесётся. —
Ахъ-ти! отъ страху ретивое бьётся,
Мнѣ кажется на насъ старикъ Эолъ —
За что нибудь ужасно золъ;
И только что сего-дни усмирился;
Ну видно съ масленой онъ подружился.
Знать старикашка не дуракъ —
Въ блинахъ имѣетъ такъ же смакъ,
Да дѣло не о томъ, — пускай бы ѣлъ,
Лишь только-бы на насъ свирѣпо не смотрѣлъ;

А мы, чтобъ въ благодарности признаться—
Въ великой постъ позволимъ съ горы ему
кататься.

Селеніе Сермаксы 1825 года.

Посланіе моему другу П. И. Ко..у.

Мой другъ! давно тебя я не снабжалъ
стихами,
Давно не вспоминалъ проказовъ бывшихъ
съ нами. —
Что дѣлать? всё еще съ фортуною борюсь,
И фаворитомъ быть ея, — ни какъ не ухи-
трюсь;
Ужъ твёрдо, кажется, держусь я одного
канала, —
Раченіе въ трудѣ кажу, — но всё ей мало. —
Тфу пропасть! незнаю право какія пріи-
скать и средства?
Съ фортуной не сдружусь, отъ шёстокъ
нѣтъ наслѣдства,
По службѣ не счастливъ, въ карманѣ не
звонитъ;

Какой-же быть могу теперь я и Пиитъ?
Сижу въ каютѣ я, кругомъ бумагъ громада,
То слѣдствія пишу, на пьяныхъ то сержусь, — вотъ вся мнѣ и отрада,
Иль выставя свою фигуру всю наружу —
Въ свободный часъ, я съ судна рыбу ужу.
Живу въ глуши, безъ денегъ, безъ друзей, —
Не знаю милый! если скучнѣе скуки сей:
Но всё еще сносна была-бъ бѣда мнѣ эта, —
Да Ахъ! нѣтъ одного сомной предмѣта.....
Предмѣта! которой не въ сравненіи и съ Крезовой казною, —
И для котораго готовъ я жертвовать собою.
Ты знаешь Другъ! что я и прежде преданъ былъ любовной страсти,
И былъ несчастливъ за всѣ стерпимыя отъ ней напасти.
За первую любовь мнѣ бракомъ противнымъ заплатили,
Забывъ горячность клятвъ которыя произносили
Хотъ говорятъ: два разъ нельзя влюбиться. —
Но въ двадцать съ небольшимъ возможно-ли постричься?
И не ужель на вѣкъ остаться обожателемъ невѣрной?
О нѣтъ! Избави Богъ, да это былъ-бы анекдотъ примѣрной.

Другому руку давши, меня помучила она
внезапною бѣдою, —
Такъ я въ возмездіе хочу совокупишь себя
съ другою.
Вотъ сей-то страстью я теперь мой
другъ пылаю,
И хошь въ разлукѣ, — но всё надеждою себя
питаю;
Не пышный выборъ мой, нѣшь злата сун-
дуками,
Мнѣ нуженъ доброй другъ, а покровитель
богъ надъ нами;
Вѣдь мнѣ незнаться съ просвѣщеннымъ свѣ-
томъ;
Съ моей котомкою бѣда и бредишь — то
объ этомъ.
Окончивъ описанье положенья моего,
Я жажду такъ какъ другъ узнать и твоего.

Селеніе и рѣка Ковжа.
27. Іюля 1826.

Посланіе невѣстѣ въ день бракосочетанія.

Вотъ день судьбы опредѣленья,
И часъ блаженства моего;
На вѣки дружбы заключенья —
Съ чувствомъ сердца твоего. —
Творецъ благословилъ желанье,
Моленье внялъ души моей;
Къ нему-жъ стремлюся съ упованьемъ —

Въ началѣ новой жизни сей. —
И Ты! о Другъ вновь нареченный —
Слугой священныхъ олтарей,
Въ сей день на вѣки незабвенный,
Воздай хвалу царю — царей!
Сольемъ сердечное моленье,
На небо взоръ нашъ обратимъ;
Да будетъ вѣчное межъ насъ соединенье,
И клятвою любовь до гроба утвердимъ.

Моимъ Друзьямъ!

До сего времени все, что ни писано было нашими Отечественными поэтами о послѣднихъ подвигахъ Россійскаго воинства, представляемо было въ тонѣ важномъ; между таковыми сочиненіями конечно первое мѣсто занимаютъ Гимнъ Державина и стихотвореніе Жуковскаго подъ заглавіемъ: „Пѣснь во станѣ Русскихъ воиновъ.“ Въ самомъ дѣлѣ сіи предметы пѣснопѣнія столь важны, что кажется устраняютъ отъ себя всѣ забавы остроумія; но одинъ изъ нашихъ веселонравныхъ поэтовъ отважился и въ семъ случаѣ уступить влеченію замысловатости своей. Сего рода не большое произведеніе его отличается игривостію мыслей, плавностію слога и напоминаетъ намъ объ ироніи Фернейскаго мудреца. Онъ, говоря съ пріятною забавностію о необычайныхъ событіяхъ, указываетъ на виновника народнаго спокойствія, и какъ будто убѣждая каждаго изъ насъ взять кубокъ, приглашаетъ, наполнивъ оный лучшимъ напиткомъ, выпить за здравіе Великаго Монарха. Таковое достоинство имѣетъ Ода, о коей идетъ рѣчь. Случай, при которомъ она писана, былъ протекшій 1815 годъ. Скромность Автора служила препятствіемъ къ изданію сочиненія сего: впрочемъ удовлетворяя какъ своему, такъ и вашему желанію, любезные друзья

мои, я рѣшился издать оное въ свѣтъ! — Ода сія есть произведеніе извѣстнаго Россійскаго писателя Александра Яковлевича Княжнина; всѣ его сочиненія дышатъ любовію къ своему отечеству и написанная недавно имъ піэса *Мужество Кіевлянина*, изражаетъ черты Русскаго характера въ полномъ величіи. Рука сего усерднаго Россіянина, учинилась полезною въ дѣлѣ спасенія Россіи отъ враговъ на равнинахъ Бородинскихъ и у стѣнъ Смоленска, гдѣ сыновнюю свою преданность къ Отечеству запечатлѣлъ онъ кровію своею и ознаменовалъ ранами, отъ враговъ имъ полученными. Неослабная дѣятельность прямому герою свойственная, не оставляетъ его и до нынѣ. Время, оставшееся у него отъ служенія Отечеству, удѣляетъ онъ музамъ и такимъ образомъ посвящаетъ всего себя пользамъ Государственнымъ. Хотя жестокость ранъ, ежедневно усугубляясь, подвергаетъ опасности жизнь его; однакожъ сіе не препятствуетъ ему быть примѣромъ повиновенія и дѣятельности, простирающейся до Высочайшей степени. И такъ любовь къ словесности съ благородствомъ сердца, одушевляющимъ творенія нашего безсмертнаго писателя Якова Борисовича Княжнина, перелилась въ его сыновъ, коихъ возвышенность духа и примѣрная преданность къ Государю вездѣ обнаруживаются во всей силѣ.

С. Петербургъ, Маія 23 дня 1818 года.

Иванъ Бутовски.

ОДА
НА НОВЫЙ 1815 ГОДЪ.

Дѣтина самый бравый, хвацкой,
Съ небесъ спустился на конькахъ;
Крикъ — посвистъ у него Бурлацкой,
Въ ямщицкой шапкѣ, плѣть въ рукахъ,
Кричитъ поди! — и все раздайся! —
Старье, съ дороги убирайся;
Недѣли, мѣсяцы — долой!
Здѣсь новый годъ себя покажетъ,
И на святой Руси докажетъ,
Что онъ молодчикъ удалой.

Со старымъ новый годъ сполкнулся,
И выпучилъ свои глаза;
Какъ ёжъ отъ злобы онъ надулся,
И далъ такова вдругъ туза,
Что старый годъ со всѣмъ причетомъ,
Не захотя быть въ мірѣ етомъ,
Двѣнадцать мѣсяцовъ забралъ;
Ну словомъ, все прошедше время, —
Всарабкалъ на себя беремя,
Давай Богъ ноги — и удралъ.

*

Тутъ гаркнулъ новый годъ — робята!
До насъ пронесся добрый слухъ:
И эта вѣсточка богата
Тьму радостей открыла вдругъ!
Что ЦАРЬ вашъ тишину возставилъ,
Европу всю на умъ поставилъ,
Въ чемъ съ нимъ согласенъ самъ Зевесъ;
Юпитеръ ужъ давно шемячилъ,
Что міръ себя войной дурачилъ,
И что въ Европѣ цѣлый бѣсъ.

*

отъ года новаго расказы:
то Зевсъ Боговъ созвать велѣлъ.
атѣялъ пиръ — и для проказы
урнуть съ богами захотѣлъ.
оставилъ имъ закуски, водки —
отя ихъ божескія глотки,
выпить всякъ изъ нихъ любилъ;
отъ того-то въ древни вѣки,
ино на жертву лили Греки,
побъ спиртъ къ богамъ сей доходилъ.

*

а пиръ къ Зевесу Марсъ явился,
окрытый пылію, пескомъ;
весу ниско поклонился,
къ водки бросился потомъ.
весъ то видя веселился —
азалъ, ты братъ въ меня родился,
апилъ, и чистъ стаканчикъ твой.
турнъ, отецъ нашъ не зѣваетъ,
ъ все, что видитъ, то глотаетъ,
мы — гдѣ запахъ есть хмѣльной.

*

Тутъ Марсъ свои приподнялъ брови,
Къ Юпи́теру возвелъ глаза!
Сказалъ, нѣтъ силъ людской лить кро
Я сталъ не воинъ, а коза;
Всѣ силы такъ во мнѣ ослабли,
Что мнѣ не мечь пришло, а грабли
Таскать къ нещастью моему.
Белона плѣть свою избила,
И въ ней осталась бабья сила,
Ужъ не годится ни къ чему.

*

Пора бы братецъ намъ унятся,
Куряшникъ Янусовъ закрыть,
Къ чему царапаться и драться,
Людей въ затылокъ колотить?
Могу сказать: была жарёха! —
И отъ сего переполоха
Трещали рожи и скулы.
Всему причиной врагъ Европы,
За то и загнанъ онъ въ трущобы,
Оставя Русскому хвалы.

*

А! — вотъ, сказалъ Зевесъ, Ѳемида
Въ тоскѣ, и въ горѣ къ намъ идетъ;
У ней нѣтъ Божескаго вида,
И шлыкъ на сторонѣ надѣтъ.
Въ какомъ голубка безпорядкѣ!
Понатресли тебѣ запятки
Всегдашней злобой и войной.
Приди дочь Весты дорогая,
Виномъ все горе запивая,
Хвати - ка рюмочку со мной.

*

Ѳемида пасть разкрывъ большую,
Кричитъ, ахти, пришла бѣда! —
Я отъ врага терплю часть злую,
Лишь на Руси мнѣ нѣтъ вреда.
И Корсиканецъ грубый, рьяной,
Зоветъ меня старухой пьяной
И мыслитъ, какъ бы задавить;
Гдѣ надо быть вѣсамъ — тамъ пушки,
Законы чтетъ за бездѣлушки,
И хочетъ всю меня обрить.

*

Зенесъ! — воспомни прежній пламень,
Которымъ ты поджегъ меня?
Я баба нѣжная — не камень,
Свой грѣхъ съ твоимъ соединя,
Тебѣ всю дружбу доказала;
Тронись кручинушкой хоть мало,
Не дай мнѣ бѣдной пропадать!
Куды я денуся съ вѣсами,
Вѣнь не набить ихъ колбасами?
Въ толкучемъ что ли продавать?

*

Зевесъ, воспомня прежню шалость,
Ѳемидѣ тотчасъ подмигнулъ;
А чтобъ явить свою удалость,
То поцѣлуй съ нее схлебнулъ.
Потомъ сказалъ, неплачь сударка!
Хотя была тебѣ припарка,
Теперь все приметъ видъ иной.
Ты съ истиной опять проглянешь
И правду словъ моихъ вспомянешь,
Что Зевсъ дружище вѣрный твой.

*

курій въ сапогахъ крылатыхъ,
ую рѣчь перехватилъ:
за что же въ плоховатыхъ
анусь, Царь небесныхъ силъ?
купцы осиротѣли!
ихъ въ карманахъ видны мѣли,
коро ихъ они зашьютъ;
ятъ на берегахъ какъ раки,
ди такой кулашной драки
смѣютъ на воду шагнуть.

*

пя я всѣхъ воровъ поташтчикъ,
милости служу твоей:
хъ замысловъ твоихъ угадчикъ,
шеѣ все виситъ моей:
и желанья исполняю,
бѣ любовницъ представляю
ихъ ты только изберешь:
на землѣ такіе люди,
орщутся надувши груди,
лы за знатныхъ ихъ сочтешь.

*

Помилуй отче — умилися!
Пошли Ермію благодать,
На прозьбу бѣдняка склонися,
И прикажи врага унять,
Что бы коммерція возстала,
И предъ тобою присѣдала,
Какъ щеголиха въ двадцать лѣтъ;
Чтобъ не съ подбитой мерзской ро
Съ матросскою женой похожей,
У коей гроша денегъ нѣтъ.

*

Потомъ другіе разны боги,
Явися къ Зевсу на подвалъ,
Понатянулися съ дороги;
И всякъ шумѣлъ, бурмилъ, кричалъ.
Тутъ молвилъ Бахусъ съ перепоя;
Мнѣ нѣтъ пристанища, покоя,
Что нѣту добраго вина;
Безъ портера, Французской водки,
Въ Европѣ пересохли глодки,
И скорбь на лицахъ всѣхъ видна.

*

у ль смотрѣть на стихотворцевъ,
повѣся носъ сидятъ;
за своихъ чту царедворцевъ
напоить душей бы радъ;
заперты моря, каналы;
къ тому всѣ силы малы,
объ угодить хмѣлюгой всѣмъ.
отрю какъ живопись страдаетъ,
ульптура съ музыкой вздыхаетъ,
пособить не знаю чѣмъ.

*

пь у Боговъ точь въ точь ведется,
къ межь ученыхъ и у васъ.
пуншь въ бакалы сильно льется,
шъ споритъ всякъ во что гораздъ.
ой про логику толкуетъ,
угой исторьей атакуетъ,
ой всю физику изрылъ.
математикъ въ споръ вступаетъ,
ю лучше всѣхъ считать онъ знаетъ;
сколько выпилъ — позабылъ.

*

Шумъ у Боговъ бы не прервалса,
Да Зевсъ велѣлъ всѣмъ замолчать!
На свой огромный тронъ взобрался,
Богамъ далъ знакъ мѣста занять.
Разсѣлись боги — и Юпитеръ,
Какъ неба и земли властитель —
Сказалъ: благодарите Русь!
Она Европу защитила,
Врага въ затылокъ проводила;
Теперь онъ голъ и чистъ, какъ гусь.

*

Замолкъ! — и Янусъ клѣвъ свой бранн
Сбираешся заколотить;
Онъ чтитъ приказъ Зевесомъ данный
Чтобъ обѣ рожицы закрыть.
Авось онъ долго не проглянетъ —
И миръ намъ пѣсенку затянетъ,
Прижметъ ладонь къ своей щекѣ!
Европа въ мигъ задастъ съ нимъ схват
Пропляшетъ голубца въ присядку,
Держа съ виномъ стаканъ въ рукѣ.

*

Окончивъ рѣчь свою большую,
Замолкъ не много новый годъ.
За радостную вѣсть такую:
Ура! — кричалъ ему народъ!
И повели къ кабацкой стойки.
Пошли пиры, пошли попойки,
Дранье лишь пѣсенъ — да люли! —
О! — этотъ годъ дѣтина славный!
Пляснулъ! — молодчикъ презабавный,
Развеселитъ всѣхъ на земли!

*

Лишь выпилъ онъ, вскричалъ, робята!
У васъ здѣсь не житье, а рай!
То ужь для нашего то брата,
Здѣсь самый, самый лучшій край!
Всѣ щастливы, собой довольны!
Пріятны, веселы и вольны!
За все ЦАРЮ благодаря!
Такъ выпьемъ добрые народы,
Что бы вѣками были годы,
Такого славнаго ЦАРЯ! —

Александръ Княжнинъ.

СЕЛЬСКАЯ ЛИРА.

ОДА

на

Четыре времена года.

* * *

Какъ бореи опустились
Мразны крылья смягчены;
Твари вдругъ возвеселились,
Ощутивъ приходъ весны.

* * *

Вся природа обновилась
Шествïемъ пріятныхъ дней;
Новымъ свѣтомъ озарилась
Съ тверди льющихся лучей.

* * *

Солнце грѣетъ, оживляетъ,
Дни прекрасные даетъ:
Зефиръ тихо возвѣваетъ
Нову силу въ чувствы льетъ.

* * *

Съ горъ потоки покатились,
Извиваясь по полямъ:
Муравой луга покрылись,
Стаи пчелъ летятъ къ цвѣтамъ.

* * *

Нимфы строятъ хороводы,
Нѣжно пѣсенки поютъ;
Бабочекъ различны роды
Къ Нимфамъ въ игры пристаютъ.

* * *

Пастушки стада въ лугъ гонятъ
Утромъ какъ заря взойдетъ;
Въ полдень, въ рощи ихъ выводятъ;
Ѳавны пляшутъ имъ во слѣдъ.

* * *

Въ рощахъ темныхъ и тѣнистыхъ
Птички гнѣзда въ дуплахъ вьютъ;
Сидя на древахъ вѣтвистыхъ,
Усладительно поютъ.

* * *

Земледѣлецъ утружденный,
Тучныхъ ждетъ отъ нихъ плодовъ,
Зритъ надеждой ободренный,
Плодоносіе садовъ.

* * *

Вдругъ приходитъ лѣто красно,
Жарки дни съ собой ведетъ.
Солнце мещетъ зной всечасно:
Время плодно настаетъ.

* * *

Нива класами гордится;
Гроздъ приноситъ виноградъ,
Зрѣлъ и сочевъ становится
Въ лѣтнѣй нѣгѣ, средь прохладъ.

* * *

Посѣляне посѣщаютъ
Плодотворныя поля:
Взоръ плодами улещаютъ,
Прославляя небеса.

* * *

Инной класы пожинаетъ,
Зрѣлыхъ, мяхкихъ, тучныхъ нивъ:
Кто сѣкирой отнимаетъ
Вѣтви съ масличныхъ оливъ.

* * *

Кто воздѣлываетъ мсками
Землю рапную въ поляхъ:
Пользуется кто плодами,
Что растутъ въ густыхъ лѣсахъ.

* * *

Всякъ различны отправляетъ
Надобности и дѣла;
Бдитъ, корпитъ и собираетъ,
Что земля произвела.

* * *

И се осень окропленна
Сокомъ виноградныхъ лозъ
Въ мрачну ризу облеченна
Похищаетъ нѣжность розъ!

* * *

Небо хмурясь, свѣтъ скрываетъ,
Дни туманны наступаютъ:
Дождь со градомъ ниспадаетъ;
Бурны вѣтры хладъ несутъ.

* * *

Нѣжны травы увядаютъ,
Какъ отъ алчнаго огня.
Розъ кусточки засыхаютъ,
Листья къ низу наклоня.

* * *

Гдѣ Зефиры? Ужъ не вѣютъ.
Хладъ несетъ съ собой борей.
Твари въ скукѣ мрачной млѣютъ.
Гдѣ пріятность лѣтнихъ дней?

* * *

Мягкимъ листьемъ покровенный,
Прежде яко ризойборъ,
Вдругъ явился обнаженный
Не плѣняетъ уже взоръ.

* * *

Соловейка оставляетъ
Обнаженные лѣса;
Со птенцами улетаетъ
Въ теплы южныя мѣста.

* * *

Вдругъ лице земля скрываетъ,
Разлилась повсюду тьма.
Солнце красно померкаетъ;
Злая шествуетъ зима.

* * *

Востаютъ мятели бурны,
Запмеваютъ неба сводъ
Чистый синевый лазурны;
Ужасаютъ смертныхъ родъ.

* * *

Хладотворный, безобразный,
Злобой тающїи борей
Сыплетъ дланью иней мразный,
Пресѣкаетъ путь морей.

* * *

Остонавливаетъ воды,
Льдистыхъ помощью цѣпей.
Скрылись рыбъ различныхъ роды
Во утробѣ рѣкъ, морей.

* * *

Гласа нѣтъ, въ поляхъ свирѣлей
Стадъ пастухъ не гонитъ въ лугъ,
Неслыхать и птичьихъ трѣлей
Услаждающихъ нашъ слухъ.

* * *

Скрылись прелести весенни,
Коихъ неисчетна тьма,
И исчезли нѣги лѣтни,
Царствуетъ теперь зима.

ИДИЛЛІЯ.

Повѣйте здѣсь Зефиры,
Престань реветь борей!
Вспѣвайте громко лиры
О вольности моей!
Поля произращайте
Прекрасные цвѣты!
Пастушки умножайте
Свои вы красоты!
Сорадуйтесь свободѣ
И нашей и моей;
Послѣдуя природѣ,
Живу я вольно съ ней.
Не знаю я любови,
Ни лестныхъ той утѣхъ,
Не слыжу жару въ крови,
Я щастливѣе всѣхъ:
Ириса такъ вѣщала,
Когда въ лѣсу была:
Но рѣчи не скончала,
Упала, обмерла.
Пронзенная бледнѣетъ,
Всѣхъ чувствій лишена;
Опомнившись робѣетъ,
Купидомъ сражена.
Не то уже вѣщаетъ;
Но вопреки тому,

Любовїю пылаетъ
Не вѣдая къ кому.
Эротъ къ ней подлетая,
Съ насмѣшкою сказалъ:
Люби того, не зная,
Кѣмъ духъ твой воспылалъ.
Любовь! ты измѣнила
Эроту и себѣ,
Ирису научила
Знать о своей судьбѣ.
Ириса воздыхала,
Пускала жалкїй стонъ;
И вдругъ тогда вскричала:
Дражайшїй Коридонъ!

ЭКЛОГА.

Съ полночныхъ странъ заря въ Багряновидномъ цвѣтѣ
Напереди появясь, вѣститъ: Феб въ полномъ свѣтѣ,
Мгновенно проженетъ нощную мрачну тѣнь:
Блеснувъ единожды низпошлетъ ясной день.
Пріятнымъ сномъ тогда покоились Дріады,
При токахъ чистыхъ водъ не мылися Наяды,
Напеи на лугахъ цвѣтовъ еще не рвутъ,
Лишь хоры разныхъ птицъ о вольности поютъ,
Въ прохладныхъ рощицахъ лишь Сатиры гуляютъ,
Ища прекрасныхъ Нимфъ, но ихъ не обрѣтаютъ.
Нашедши спящихъ ихъ, вдругъ прерываютъ сонъ.
Какой здѣсь слышится пріятный птичекъ тонъ?
Покамѣстъ будете вы сномъ отягощенны
И сокомъ маковымъ Морфея упоенны?
Кидаютъ въ нихъ вѣнки изъ миртовыхъ цвѣтовъ,
Кидаютъ стебельки изъ розовыхъ кустовъ,
И сею той игрой сонъ сладкій прерываютъ,

Хоть нимфы сердятся, но гнѣвъ свой утоляютъ.

Встаютъ, сбираются въ единой хороводъ
И думаютъ, какой начать игры имъ родъ?
Сатирамъ не игра . . . . . любовь свою являютъ:
Не внемлютъ Нимфы имъ! по рощамъ убѣгаютъ
И только что одинъ усугубляютъ смѣхъ,
По рощамъ вѣтерокъ разноситъ эхъ, эхъ, эхъ!
То кроются между зелеными кустами,
Любуясь въ шишинѣ различными цвѣтами.
Но вдругъ ихъ поразилъ печалный нѣкій стонъ
Кто жъ слезно тамъ стенетъ? Конечно Коридонъ!
Къ Ирисѣ таетъ онъ любовью распаленный,
Кленется, хощетъ быть на вѣкъ ей посвященный.
Всѣ Нимфы слушали сидя между кустовъ,
Ждутъ выслушать отъ нихъ еще любовныхъ словъ,
Сатиры бѣгая за Нимфами устали,
Легли на муравѣ, и тѣмъ словамъ внимали
И самъ Эротъ туда съ колчаномъ приле тѣлъ
Внимая жалобамъ, межъ Нимфами онъ сѣлъ
Всѣ смѣхи и игры молчаньемъ прекрати лись,
Несклонности къ любви Ирисиной дивились

Пастухъ отчаяньемъ страдая, вопіетъ:
Почто несносну жизнь судьба не пресѣчетъ?
Возможноли мнѣ жить не зря Ирисы болѣ,
О ты! Всѣ коего послушны твари волѣ,
Эротъ, смягчающіи кичливыя сердца!
Почто не учинишь слезамъ моимъ конца?
Ты страсть любовную самъ въ сердцѣ мнѣ умножилъ
И хладну кровь во мнѣ разжегъ и воспревожилъ,
Но что нещастный я? Я всуе лишь горю . . .
Ирисиной ко мнѣ я склонности не зрю.
Ты ядовитою меня сразилъ стрѣлою;
Ирису порази обратно въ сердцѣ тою,
Мученіямъ моимъ конецъ воспріиму.
Но кто внимаетъ здѣсь стенанью моему?
Прервавъ свой стонъ и самъ на землю упадаетъ.
Эротъ его словамъ и жалобамъ внимаетъ;
Уже готовился Ирису поразить,
И равный пламень въ ней, какъ въ пастушкѣ родить,
Наполнивъ пламенникъ любовными огнями,
Лишь только поднялся на воздухъ онъ крылами,
Какъ то жестокая красавица идетъ.
Эротъ свой удержалъ на воздухѣ полетъ . .
И поразить ее хотѣлъ своей стрѣлою;
Но вдругъ сталъ ослѣпленъ Ирисы красотою,

Которая распустивъ по раменамъ власы,
Имѣла знакъ въ себѣ небесныя красы,
Но Психїя сїю любовь уничтожала,
Которая на мысль тогда ему предстала.
Ириса въ рощѣ той невидима ни кѣмъ,
Она такъ думала, увеселялась всѣмъ;
Но вдругъ увидѣвши на воздухѣ Эрота
Сказала: знать тебя понудила охота,
Въ лѣса сїи съ своимъ калчаномъ стрѣлъ зайти?
Но знай, что ничего не можешь здѣсь найти,
Эротъ за то стрѣлу кроваву ниспущаетъ,
Жестокой раной въ грудь Ирису поражаетъ,
Ириса падаетъ на землю пронзена!
Съ бледнѣющимъ лицемъ всѣхъ чувствїи лишена,
Ее любовь и стыдъ, и совѣсть духъ терзали,
Презрѣнна пастуха на сердце представляли.
Жалѣетъ, что его презрѣла всю любовь,
Которою разжегъ свою онъ нѣжну кровь.
Ахъ! что я? Говоритъ, любовью не горѣла
Къ тому, котораго неоднократно зрѣла,
Лежаща предо мной повержена въ слезахъ,
Подъ тѣнїю древесъ въ дремучихъ сихъ лѣсахъ,
Гдѣ онъ теперь? Пойду къ нему и изъяснюся,
Что я ево люблю .... но какъ тому явлюся,

торой прежде мной толь дерзско былъ
презрѣнъ?
ъ мню не ложно я, въ любовь другой плѣ-
ненъ,
можетъ отъ него совсѣмъ уже забвѣнна
ъ сердца я ево на вѣки истребленна.
что я говорю? Невиненъ онъ сему,
ма причиною мученью моему,
гда бы я свою любовь къ нему являла,
нечнобъ страстію его себя ласкала?
злобный Купидонъ! почто ты пощадилъ
ня, тогда, какъ грудь его стрѣлой прон-
зилъ?
что не напоилъ меня любовнымъ ядомъ?
перь вся жизнь моя становится мнѣ
адомъ?
рѣла твоя не такъ терзаетъ грудь мою,
не отъ раны я столь тягостно стеню.
ворный стыдъ мою всю внутренность
терзаетъ,
сердце отъ любви какъ воскъ истае-
ваетъ,
ду къ нему . . . или любовь я воз-
вращу,
поносну жизнь предъ онымъ прекращу.
ду: мнѣ сердце путь къ дражайшему
покажетъ,
дѣ онъ странствуетъ? Не ложно мнѣ
то скажетъ,
ахъ! дражайшее названье Коридонъ,

Воспомнивъ я тебя, умножила лишь стон
Рекла, и полилась слеза изъ глазъ ручьям
Но въ досадѣ потекла въ лѣсъ робки
стопами,
Отчаянна вездѣ кидаетъ томный взоръ,
И стономъ жалостнымъ весь наполняе
боръ,
Эротъ сей новою побѣдою гордился,
Ирисы нѣжну страсть зря, только ве
лился.
Ириса вдругъ въ лѣсу услыша нѣкїи гла
Прислушивалася остановясь на часъ,
Изъ гласа познаетъ, гласъ Коридона . .
Гласъ сей тогда ей былъ пріятнѣй лир
тона,
Она съ поспѣшностью на тотъ гласъ п
ходя,
И взоръ сквозь густоту древесную взво
Узрѣла, что пастухъ едва уже дыхаетъ
И блѣдность смертная его зракъ пок
ваетъ,
Но стыдъ, смущенїе открыть любовь п
титъ;
Она сама съ собой такъ тихо говоритъ
Что? Можетъ быть не мной плѣненъ
умираетъ,
Но можетъ въ сердце власть другая за
маетъ,
Но вдругъ смущенныя пастухъ глаза
крыль

Ириса! Онъ изрѣкъ; лѣсъ тоже повторилъ,
Тогда ужъ не сомнясь къ себѣ о нѣжной страсти
Прервала стыдъ любовь, разрушила тѣ власти.
Подобно жадный левъ къ добычѣ потекла
Обнявши пастуха съ слезами изрекла:
Ахъ! миновалося жестокое мученье,
Я чувствую въ душѣ отраду, утѣшенье,
Встань, другъ мой Коридонъ, меня утѣшить встань!
Простри ко мнѣ твою дражайшую ты длань!
И оной прогони несносную мнѣ муку,
Отчаянье и стыдъ боязнь и злую скуку!
Увѣрь меня теперь въ взаимности любви!
Я чувствую тотъ огнь возжегшійся въ крови,
Которой дерзко я старалась уничтожить.
Отъ нынѣ во сто кратъ потщусь его умножить.
Пастухъ сомкнутыя глаза еще открылъ,
Въ Ирисиныхъ себя рукахъ онъ находилъ.
Отчаяніе въ немъ изъ сердца убѣгаетъ,
И хладну грудь его надежда согрѣваетъ.
Изчезъ съ его лица печальный смерти мракъ,
И бледный сталъ его, живѣй казаться зракъ,

Съ восторгомъ возстаетъ, Ирисѣ такъ вѣщаетъ:

Не сонъ ли мнѣ сїе видѣнье посылаетъ?
Напрасно: нѣтъ! не сонъ. Я наяву то зрю,
Ахъ! нѣтъ дражайшая! я пламенемъ горю,
Съ которымъ прехожу во нѣжности Пирама,
Пойдемъ съ тобой возжемъ куренье фимїама,
И жертву должную Эроту принесемъ,
Нарвемъ прекрасныхъ розъ, изъ нихъ вѣнки сплетемъ,
И увѣнчаемся симъ вѣрности мы знакомъ,
Чтобъ вѣчно намъ хранить любовь въ почтеньѣ всякомъ.

Теперь я всѣ свои напасти позабылъ,
Твои взоръ ихъ отъ меня на вѣки истребилъ,
Пастухъ изрекъ . . . и вдругъ вся тишина прервалась,
Природа влюбленнымъ прїятнѣй показалась,
Зефиры начали древами колебать,
А птицы съ шумомъ древъ свой гласъ соединять.

Весь сонмъ ужаснѣйшихъ печалѣй прочь отбѣгъ,
Настали радости, игры и нѣжный смѣхъ,
Пастухъ ужъ не лежитъ на голой персти болѣ,
Но въ шалашѣ подъ тѣнью въ чистомъ полѣ,
Гдѣ страсть прїятную въ душе своей питалъ
Когда въ обьятїяхъ пастушку лобызалъ.

ЭКЛОГА

Филинтъ и Исмена.

Восточныя врата Аврора отворила,
Бягряностью своей день красный предвѣстила,
Исполнила цвѣты прохладною росой,
И розу предпочла предъ всѣми красотой,
И Фебъ уже спѣшилъ востечь на горизонтъ,
Чтобъ освѣтить весь миръ, долъ, рѣки, рощи, понтъ,
Ногами конскими твердъ Эфиръ разсѣкая,
И тучи облаковъ густыя разгоняя,
Оттуда низводилъ свои пресвѣтлы взоры
Въ луга, въ лѣса, гдѣ Нимфъ играли разныхъ хоры,
Филинтъ смотря на то свой разумъ углубилъ,
Въ задумчивости онъ недвижимъ долго былъ,
Смотря отъ Зефира въ колеблющися воды
Въ которыхъ разны зрѣлъ рыбъ плавающихъ роды,
Зрѣлъ также хоры птицъ поющихъ на древахъ,
Гласъ коихъ слышенъ былъ далеко въ тѣхъ мѣстахъ,
Внималъ онъ тамъ ручьевъ вїющихся журчанье,

На каждой онъ предмѣтъ вперелъ свое
вниманье.
Онъ зрѣлъ пастушекъ тамъ и пастуховъ
любовь
Воспламеняющихъ свою взаммно кровь!
Но самъ тоя любви нечувствовалъ ни мало;
Его поняттіе о ней непостигало.
Онъ власть Эротову съ любовью прези-
ралъ,
Не долгожъ было то. Онъ самъ плѣненъ
ей сталъ,
Любви онъ угождать и слѣдовать не
тщился
Но скоро сей презоръ взаимно отпла-
тился,
Хотъ лукомъ и стрѣлой самъ былъ воору-
женъ;
Но Купидоновой стрѣлой онъ побѣжденъ,
Исмѣна имъ плѣнясь, любовію горѣла,
Но пламень скрытый въ ней открыть ему
не смѣла.
Хотъ многократно съ нимъ однимъ въ
лѣсу была,
Однако же всегда власть надъ собой брала,
Хотъ внутренно съ страстьми боролась
жестоко,
Филинтовъ былъ въ ней зракъ укоренен
глубоко,
Эротъ наполнивши колчанъ остръйшихъ
стрѣлъ,

Возжегшїи пламенникъ къ Филинту полѣтѣлъ,
На берегу нашелъ сѣдяща въ размышленьѣ
И примѣчающа струистыхъ водъ стремленье;
Взявъ острую стрѣлу злымъ ядомъ напоилъ,
И нечувствительно въ грудь ею поразилъ,
Онъ надъ Филинтовымъ власть сердцемъ получаетъ,
Въ немъ сильны огнь любви вдругъ сердце распаляетъ.
Лице багровеетъ, глазами томно зритъ,
Онъ сталъ совсѣмъ другой, и премѣнилъ свой видъ.
Попеременно онъ бледнѣетъ, то краснѣетъ,
Становится вдругъ смѣлъ, и вдругъ опять робѣетъ;
Вездѣ въ смущеньѣ свой кидаетъ томный взоръ:
То въ чистыя поля, то на сгущенный боръ,
То на прекрасныя источники взираетъ
Чегожъ искалъ? Того и самъ не понимаетъ . . .
По томъ глаза его наполнилися слезъ,
Онъ будто нехотя: Исмѣна! Произнесъ,
Исмѣна! Ахъ! но что? Что я теперь вѣщаю?
Уже я ядъ любви нечувственно вкушаю.
Исмѣнины глаза мою пронзили грудь
И въ сердце нѣжное нашли свободный путь.

Которой прежде бывъ ни чѣмъ неутѣсненно
Вкушали тьму утѣхъ злой страсти свободенно,
Но что я столько слабъ и для чего унылъ!
Потщусь противъ стоять любви, колико силъ,
Но можноль каплею одной пожаръ тушити,
Возможноль мнѣ не зря Исмѣны больше жити?
Исмѣна? Гдѣ твоя блистаетъ красота;
Гдѣ тѣ любезныя тобою мнѣ мѣста,
Въ которой сторонѣ краса твоя блистаетъ?
За чемъ и я не тамъ? Что мнѣ итти мѣшаетъ?
Могущїи Богъ любви, опасный Купидонъ,
Внимай отъ сердца мой къ тебѣ всходящїй стонъ,
Коль пораженїемъ моимъ ты утѣшался
Коль плѣнникомъ твоимъ на вѣки я остался,
Не буди столь суровъ будь умягченъ ты мной
И покажи мнѣ путь, гдѣ мнѣ искать драгой?
Изрекъ, и напротивъ встоящїи лѣсъ вбѣгаетъ
И зрѣнїемъ своимъ всю рощу обнимаетъ,
Надеждой льстясь найтй любезный свой предмѣтъ;
Но не нашедъ его, опять токъ слезный льетъ,

И въ робости свой путь по рощѣ простираетъ,
И вдругъ въ пространную долину выбѣгаетъ,
Но чтожъ увидѣлъ тамъ? Овѣчье стадо зритъ,
Которой на травѣ и при ручье лежитъ,
Тутъ въ сердце у него надежда возродилась
И радость на лицѣ его изобразилась,
Онъ тихо самъ съ собой во мысляхъ говорилъ,
Стократноб подлинно тогда я щастливъ былъ,
Когда бы тотъ предмѣтъ которой обожаю,
Возмогъ найти? Но ахъ! я здѣсь не примѣчаю.
По томъ взбѣжалъ тотъ часъ на близкіи тутъ бугоръ,
И въ разны стороны свой простираетъ взоръ,
И нѣчто онъ въ лѣсу сѣдяще примѣчаетъ,
И думая что звѣрь стрѣлой лукъ воружаетъ,
И испустивъ стрѣлу за нею побѣжалъ
Но сколько пораженъ онъ удивленьемъ сталъ!
Когда онъ обозрѣлъ, что то была Исмѣна . . .
Котора будучи слезами орошенна,
Держала оную стрѣлу въ своихъ рукахъ,

И жалобу свою являла въ сихъ словахъ:
Покройся мракомъ твердь, затмися солнце красно!
Не освящай меня, не освящай напрасно,
Я болѣ не хочу красотъ природы зрѣть,
Когда мнѣ рокъ судилъ злой смертью умереть;
Сія стрѣла мои плачевны дни скончаетъ
И плоть мою пусть звѣрь здѣсь хищный расперзаетъ;
Минутной сей одной окончится мой стонъ.
Взирай на смерть мою, ты злобный Купидонъ!
Ты въ сердцѣ пламень мнѣ возжегъ своей стрѣлою,
Я съ онымъ угашу и жизнь мою другою,
Тыжъ предстоящій лѣсъ свидѣтель буди мнѣ,
Что я скончала жизнь въ несносной сей странѣ,
Я будучи въ любовь Филинтомъ уловленна,
Нечувственностію за жаръ мой награжденна,
Когда онъ будетъ здѣсь одинъ въ лѣсу гулять
И можетъ быть меня нещастну вспоминать,
Древа колебля верьхъ кровавый сокъ пустите

І шумомъ лиственнымъ ему сіе внушите:
Скончала жизнь свою Исмена въ сихъ мѣ-
спахъ,
Скончала для кого Филинта въ сихъ слезахъ;
Но семъ готовилась пронзить себя стрѣлою,
І купно жизнь пресечь съ своею красотою;
Пастухъ въ любви горя преодолевъ весь
спыдъ,
Изъ смерти челюстей изъять ее спѣшитъ,
Изъ рукъ ея стрѣлу поспѣшно вырываетъ,
Ахъ! для меня она дражайшая вѣщаетъ.
Я тысящу смертей самъ за тебя стерплю,
І симъ то докажу что я тебя люблю,
Ахъ! это ты, Филинтъ! о небо! — упа-
даетъ . . .
Пастухъ лишенной ей всѣхъ чувствій по-
могаетъ.
Она опомнившись во смутности гласитъ:
Филинтъ въ любовь плѣненъ и мною онъ
горитъ,
О небо! о судьба! сколь ты благопріятна
Превратность мнѣ сія до селѣ непонятна,
Но истинноль сіе или одинъ лишь сонъ?
Ахъ нѣтъ дражайшая вѣщаетъ паки онъ:
Люблю тебя люблю и вѣкъ любя скончаю,
Позволь мнѣ изъявить чемъ я себя ласкаю,
Познай гласитъ она любовь къ тебѣ мою,
Съ рукою ввѣкъ тебѣ я сердце отдаю,
Чегожъ желать ему? . . . Пастухъ тутъ
вдругъ сталъ щастливъ,

И не былъ тутъ уже какъ прежде онъ
опасливъ,
Онъ съ нѣжностью въ игрѣ Исмѣну цѣло-
валъ
И самъ взаимныя лобзанья получалъ,
Въ обѣихъ жарка кровь пылать не преста-
вала
И верьхъ тогда любовь надъ ними одер-
жала,
Пастухъ дотоль игралъ пока разжену
кровь,
Не прохладила въ нихъ пріятная любовь.

ПИСЬМО

Влюбленнаго Роланда къ М . . .

Дрожитъ перо въ рукахъ, весь разумъ цепенѣетъ,
Умъ тщится изъявить, дерзаетъ . . . и не смѣетъ.
Начавъ перестаетъ и смѣлость вдругъ беретъ
И мысль противная противну мысль женетъ,
Одна мнѣ говоритъ: презрѣнія страшися,
Такую какъ М . . . склонить въ любовь нельзпися!
Другая же меня надеждою манитъ,
Крѣпитъ мой смутный духъ и такъ мнѣ говоритъ:
Любовь терпѣніемъ не можетъ обуздатся,
Напрасно хочешь ей ты первый противлятся.
Пиши и не робѣй, любовію крѣпись!
Въ противномъ случаѣ ты ежъ извинись.
О страсть пріятная, но по отказѣ злая!
Дражайшая! къ тебѣ любовью нѣжной тая,
Сей вѣрный знакъ любви отважась начерталъ.
Прости что вольно въ немъ вспаленный духъ вѣщалъ.
Когда природа насъ на свѣтъ производила,
Тебя одной красой предъ прочими почтила,

Мнѣ сердце нѣжное и склонности дала.
Сія то страсть того причиною была,
Что я узрѣвъ тебя, лишился въ вѣкъ покою,
И пораженъ стѣню печальною судьбою,
Но люпыхъ мукъ моихъ ты сдѣлавшись творецъ
Едина можешь имъ и учинить конецъ.
Ты властвуешь моимъ и тѣломъ и душою,
То всѣ производить удобна надо мною,
Ты словомъ жалкою судьбой меня сразишь,
Но словомъ сей ударъ единымъ отвратишь,
Ты щастье совершишь, когда люблю мнѣ скажешь,
И злобною меня судьбиною накажешь,
Когда всѣ люпости любовнаго огня,
Ты будешь презирать и самаго меня,
Но можетъ ли съ такой какъ ты сама прекрасна,
Суровость сходная съ звѣрями быть согласна?
Ты бросишь взоръ одинъ; тѣмъ звѣря укротишь,
И камень въ мягкій воскъ удобно претворишь.
Позвольте мнѣ вѣщать, что я намѣреваюсь;
Но ахъ! я гнѣвныя судьбины ужасаюсь.
Но нѣтъ! не утаю, люблю тебя мой свѣтъ!
И пламень сей скрывать мнѣ силъ не достаетъ;

О лютая напасть! Се рокъ меня стесняетъ!
Я слышу дерзостной: Богиня мнѣ вѣщаетъ.
Дражайшая! Меня ты тѣмъ же накажи,
И что тебѣ сказалъ; ты то сама скажи;
Яжъ отъ тебя сію принявши казнь по волѣ
Щастливѣй буду всѣхъ, всѣхъ смертныхъ роду болѣ,
Вотъ все, что я къ тебѣ писать предпринималъ;
Чѣмъ я къ тебѣ горю, чѣмъ я нещастливъ сталъ;
Теперь мнѣ надлежитъ ждать щастливой судьбины,
Или противныя . . . . изъ жизни съ ней кончины.
А я предавшися на вѣкъ М . . . тебѣ,
Съ охотой покорюсь предписанной судьбѣ,
Еще я говорю: ты властна надо мною,
Тобою я живу, тобой дышу одною,
Мнѣ сносны для тебя и смерть и самой адъ,
Прости, что начерталъ, горя тобой Роландъ.

1.

Человѣкъ, внимай правиламъ нравственности! Онѣ научатъ тебя быть щастливымъ; онѣ основаны на природѣ человѣка, живущаго въ обществѣ съ другими людьми, которые имѣютъ одинакія съ тобою чувства, желанія, нужды и обязанности.

2.

Сіи правила Богъ, природа, разумъ и общество внушаютъ человѣчеству; мудрый человѣкъ чувствуетъ ихъ и соображаетъ съ ними поступки свои.

3.

Наслаждайся и позволь другимъ наслаждаться тѣми благами, которыя природа из-

ливаетъ для всѣхъ дѣтей своихъ.

4.

Никакія душевныя и тѣлесныя твои удовольствія не противны природѣ, когда онѣ не сопряжены со вредомъ твоимъ или братій твоихъ, которые необходимы для собственнаго твоего щастія. Всѣ твои удовольствія тебѣ позволены, когда наслаждаясь оными ты не

выходишь изъ предѣловъ, назначенныхъ самою природою.

5.

И посему будь щастливъ, человѣкъ! Тебя сама природа къ сему призываетъ; но помни, что ты не одинъ долженъ быть таковымъ: всѣ люди имѣютъ равное право на щастіе, какъ и ты; и только дѣлающій щастливыми другихъ можетъ быть щастливъ; таковъ уставъ природы; если

ты осмѣлишся нарушить о-
ный, то знай, что ненависть
и мстительность подобныхъ
тебѣ и угрызенія собствен-
ной совѣсти будутъ всюду
тебя преслѣдовать.

6.

Бери участіе въ положеніи
другихъ, чтобы сердце твое
трогалось нещастіями ближ-
нихъ, чтобы рука твоя все-
гда готова была помогать
бѣдному, угнетенному своимъ

жребіемъ; сравнивай положеніе тебѣ подобныхъ съ твоимъ собственнымъ, и помышляй, что и ты иногда можешь подпасть жестокому жребію. Всякое нещастіе имѣетъ право на твою помощь, а паче всего угнетенная невинность.

7.

Да будетъ сердце твое согрѣто искреннею дружбою; да облегчатся труды и тяжести жизни твоей любовію

и почтеніемъ твоей подруги; храни свято вѣрность супружескую: она есть источникъ семейственнаго благосостоянія. Живите согласно, будьте добродѣтельны, воспитывайте дѣтей своихъ съ должнымъ стараніемъ, какъ для ихъ собственнаго, такъ и для щастія общества. А вы, дѣти! вознаграждайте заботы и попеченія родителей почтеніемъ и послушаніемъ къ нимъ и сдѣлайте жизнь, а особливо

старость ихъ, спокойною и пріятною.

8.

Будь справедливъ; ибо справедливость есть единственная подпора человѣческаго благоденствія. Будь добръ; ибо доброта привлекаетъ къ намъ сердца другихъ. Будь снисходителенъ къ ошибкамъ и слабостямъ другихъ; ибо ты самъ онымъ подверженъ. Будь кротокъ и

ших; ибо кротостію при-
бѣтается благосклонность
другихъ. Будь благодаренъ;
ибо благодарность питаетъ
и привлекаетъ благодѣянія.
Будь смиренномудръ; ибо гор-
дость, тщеславіе и высоко-
мѣріе возбуждаютъ огорче-
ніе. Будь воздержень и во
всемъ умѣренъ; ибо роскошь
и сладострастіе разрушаютъ
существо человѣческое. Дѣ-
лай добро врагамъ, чтобы
содѣлать ихъ друзьями. Про-

щай обиды; ибо мщеніе причиняетъ вѣчную ненависть.

9.

Будь гражданинъ; ибо общежитіе необходимо для твоей безопасности и щастія. Будь вѣренъ и покоренъ верховной власти; ибо она сохраняетъ безопасность общественную. Повинуйся законамъ; ибо они суть ничто иное, какъ выраженіе общей воли, которой твоя личная воля должна быть

подчинена. Защищай Отечество свое; ибо оно даетъ тебѣ средство и случай быть безопаснымъ и щастливымъ, бережетъ твою жизнь, имущество и все, что драгоцѣнно для твоего сердца.

10

Незавидуй ложному и скоропреходящему щастію мощнаго преступленія, корыстолюбиваго обмана, продажной совѣсти, ожесточеннаго богат-

ства. Непокушайся посредствомъ безстыдства, безсовѣстія и насилія приобрѣтать гибельную выгоду — угнетать себѣ подобныхъ; не будь мздоимный сообщникъ притѣснителей Отечества.

11.

Если ты предаешся позорной роскоши, то сообщники распутства твоего будутъ хвалить тебя, а природа накажетъ тебя, накажетъ сла-

бостями и жесточайшими болѣзнями, отъ коихъ ты позорную жизнь твою окончишь въ мученіяхъ. Если ты живешь невоздержно; то хотя общество и рѣдко, но природа всегда тебя наказываетъ, сокращая жизнь твою. Когда ты пороченъ: то сія нещастная привычка твоя обращается самому тебѣ во вредъ. Если ты имѣешь возможность преступать законы безъ наказанія со стороны общества; то

должень трепетать предъ законами природы: она душу твою наполняетъ подозрѣніями, страхомъ, безпокойствами, и заставляетъ тебя содрагаться при одномъ имени святой истинны.

12.

Смотри на дѣйствіе мщенія природы, которое она употребляетъ противъ нарушителей ея законовъ; проникни во глубину сердецъ тѣхъ пре-

спутниковъ, которые спокойствіемъ лица прикрываютъ растерзанную душу. Не видишъ ли ты высокомѣрныхъ честолюбцевъ, какъ они день и ночь мучатся ненасытимымъ желаніемъ? Смотри, какъ безпечный богачь томится скукою и отвращеніемъ, сопровождающимъ его пресыщеніе всякаго рода удовольствіями. Слыши стонъ скупца, не внимающаго гласу бѣдности и изнуреннаго заботя-

ми о безполезномъ для него сокровищи. Ты не слышишь тайныхъ жалобъ сластолюбца и невоздержнаго противъ самихъ себя о погубленномъ здоровьи. Смотри, какъ господствуетъ раздоръ и ненависть между невѣрными супругами; сожалѣй о нещастіи ихъ дѣтей, оставленныхъ безъ всякаго присмотра и воспитанія.

13.

Ты знаешь, что обманщикъ лишается у всѣхъ довѣренности, что лицемѣръ со страхомъ убѣгаетъ проницательнаго взора честнаго человѣка и трепещетъ при одномъ имени ужасной для него истинны. Разсмотри безплодно увядшее сердце завистливаго, который сохнетъ, смотря на щастіе другаго; разсмотри замерзшее сердце неблагодарнаго, котораго ника-

кія благодѣянія разогрѣть не могутъ, желѣзную душу сего чудовища, котораго не могутъ смягчить воздыханія и слезы нещастныхъ. Взгляни на мстительнаго, который питается желчью и змѣями, и который въ бѣшенствѣ своемъ самъ себя пожираетъ. Завидуй, ежели можешь, спокойствію и сну человѣкоубійцы, неправеднаго судіи, притѣснителя, лихоимца и грабителя.

14.

Ты безъ сомнѣнія ужасаешься, смотря на замѣшательство человѣка, утучнѣвшаго отъ пропитанія, принадлежащаго сиротамъ, вдовамъ и бѣднымъ. Ты содрагаешся, замѣчая узрызенія совѣсти въ тѣхъ преступникахъ, которыхъ простой народъ почитаетъ щастливыми, между тѣмъ какъ презрѣніе, которое они чувствуютъ къ самимъ себѣ, мститъ имъ за его упѣ-

сненіе. Однимъ словомъ: ты видишь, что спокойствіе и миръ изгнаны навсегда изъ сердецъ тѣхъ нещастныхъ, которымъ природа представляетъ предъ глаза презрѣніе, безславіе и наказаніе, которыхъ они достойны.

15.

Но нѣтъ! взоры твои не могутъ снести плачевнаго зрѣлища мстительной природы! умились надъ сими нещаст-

ными, для которыхъ заблуж-
денія и гибельныя привычки
сдѣлали порокъ необходимымъ;
убѣгай ихъ поступковъ, но къ
нимъ самимъ не питай ни не-
нависти ни презрѣнія; лучше
помоги имъ, сколько можешь,
возвративъ ихъ на путь пра-
вый. Когда ты сравнишь себя
съ ними, то возрадуешся, на-
ходя всегда во глубинѣ души
своей спокойствіе и удоволь-
ствіе. Наконецъ ты видишь,
что опредѣлило Провидѣніе,

какъ имъ, такъ и тебѣ самому, видишь, что порокъ самъ собою наказывается, а добродѣтель сама собою награждается.

16.

Скольбы не велика была несправедливость и ослѣпленіе тѣхъ людей, съ которыми ты жить долженъ; никогда не будешь лишенъ тѣхъ награжденій, которыхъ ты достоинъ, по крайней мѣрѣ никакая

власть на землѣ не можетъ отнять у тебя душевнаго спокойствія, сего источника чистѣйшаго и верховнаго блага. Когда ты будешь разсматривать самаго себя, то въ сердцѣ своемъ не найдешь ни стыда, ни страха, ни угрызенія совѣсти; тогда ты самъ собою и нравственнымъ своимъ величіемъ будешь доволенъ. Когда обратишь взоры свои вокругъ себя, вездѣ пріятныя лица будутъ выра-

жать тебѣ похвалу, уваженіе и чувствительность; ты будешь любимъ и почитаемъ отъ всѣхъ честныхъ и разумныхъ людей.

17.

Такая добродѣтельная жизнь, которой каждая минута ознаменована удовольствіемъ и усердіемъ окружающихъ тебя, будетъ протекать спокойно и тихо до послѣднихъ дней; ибо ты дол-

женъ умеретъ, какъ и все живущее на землѣ по законамъ природы. По смерти ты будешь житъ въ сердцахъ друзей твоихъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ ты содѣлалъ щастливыми; твои добродѣтели воздвигнутъ тебѣ незыблемые памятники и небо наградитъ дѣла твои, когда земля была ими облаготворена.

28.
33.

LIBRARY OF CONGRESS
00023288394